ЕВРАЗИЙСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ДИСКУРС МОДЕРНИЗАЦИИ: ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РОССИЙСКИХ ПЕРЕСТРОЕК

УДК 1

С.Н. НЕКРАСОВ

1. Все перестройки в XX веке в России–СССР–России строились на идеологии личности и прав человека, которая с евразийской точки зрения представляет собой применение принципов западной индивидуалистической философии к правовой системе. Более того, абсолютизация идеологии прав человека и интереса к приоритету роли личности в социальном процессе «будет с необходимостью сопровождать глобализацию либерального порядка и мондиализацию мира под эгидой атлантизма» [1]. Поэтому всякий раз, когда в обществе начинается волна рассуждений на тему прав человека и роли личности, ждите перестройку. Если попросить офицера провести перестройку подразделения, то естественным будет вопрос – как перестроиться, сколько в ряд и в какую сторону двигаться? Речь, следовательно, должна идти об упорядочении целого, в обществе о решении вопросов существования и взаимодействия народов, классов, наций – только в рамках этих процедур успешной может быть постановка вопроса о личности, ее правах и интересах. Ответом на агрессию глобализации либерализма и мондиализацию мира может быть выстраивание полностью научного мышления как нарративного дискурса русского народа в рамках евразийского сообщества. Носителем такого дискурса оказывается ряд левых партий и правых движений, смыкающихся в ходе выстраивания научной идеологии в единое синтетическое эпистемологическое поле. Известно, что программа КПРФ, равно как и докторская диссертация Г. А. Зюганова, пронизаны идеями евразийской геополитики и наоборот: идеи евразийского движения оплодотворены левыми эгалитаристскими интенциями. Достаточно посмотреть сайты евразийского движения, открыть архив газеты «Завтра», и мы увидим переплетение левого и правого векторов духовной жизни. Это переплетение создает условия для строгого научно-выверенного определения социальной динамики – не перестройки, но революции – национальной, социальной и культурной. Поэтому научная идеология отвергает ведущий к перестройкам и глобализационной оккупации мифологический дискурс личности, человека и его прав. Она выдвигает в результате выявления этнической идентичности русских в качестве синтетического этноса необходимость революции, выстраивающей строго научно новые тренды континентальной специфики России, национального мессианства, государствообразующего значения армии в русской истории, евразийского производства и промышленной модернизации, неоиндустриальной модернизации без вестернизации, византийского «аграрного социализма».

К сожалению, евразийская идеология в начале XXI века еще не породила представление об отказе от сугубо мифологического западнического деления исторического процесса (по А. Тоффлеру) на три волны – аграрного, индустриального и постиндустриального общества. Отказ от марксистского понимания общественно-экономической формации, забвение марксистской «пятичленки», как будто бы отвергнутой опытом XX века, привело неоевразийство к мифологеме постиндустриализма как цели исторического процесса, в конечном счете понятом как «конец истории». На самом деле нам еще только предстоит синтезировать модели Общественно-экономической формации и Цивилизации, результатом чего может стать научное представление о неоиндустриальном векторе развития России.

Евразийское мышление пока еще мифологически понимает мессианскую природу нашего народа как продукт загадочной жизни через тысячелетия преимущественно славянского индоевропейского народа со значительным элементом тюркских и угорских этнических и культурных черт. Пока известно, что фактический синтез белой и желтой рас не оставляет оснований для шовинизма и узкого национализма, но открывает путь к объединяющей имперской, евразийской психологии и культуре. В этой культуре проблема личности и прав человека – не главная. Но ведь о том же и совершенно не по-евразийски, а с точки зрения научной и классовой идеологии писал К. Маркс. Получается, что синтез классового западного научного подхода и синтетического

евразийского позволяет получить дальнейшую интеграционную научную модель для общественного сознания русского народа. Эта модель носит не мистический потусторонний мессианский характер, задает не религиозно-бессильный протестный консервативно-реакционный вектор социокультурной динамики вспять, но прямо указывает на прогрессивное освоение объединенным человечеством природными силами, господство над собственными социальными отношениями.

2. Донаучное мышление представляло себе общество, в котором вектор изменения задавался идеалами великой личности. Соответственно, идеология Просвещения активно рассуждала на тему о «роли личности в истории», имея в виду великую личность, стоящую над обществом. Такой дискурс, подвергнутый критике в марксовых «Тезисах о Фейербахе», сохраняется и сегодня в более простой форме идеалистического представления истории, когда любые социальные процессы выводятся из воли и сознания людей. Правда, деградация нарратива привела к дискурсивному представлению об обыденности и повседневности человеческой жизни, из которой и исходят импульсы социокультурной динамики. В результате мы видим постмодернистские исследования культуры повседневности, габитуса, габитус-китча в широком диапазоне от изучения истории «великого продуктового обмена» в исторической школе «Анналов» до упрощенных социологизированных социологий моды. Сознание, и ничего, кроме сознания, не скрывается за этими донаучными мифологизированными штудиями.

Поскольку опыт развития научного познания показывает неравномерность созревания наук – в диапазоне от простых естественных дисциплин до сложных гуманитарных наук о человеке и сложнейших неестественных наук об обществе – можно прийти к выводу о том, что простейшие первоначальные попытки объяснить общество выливались в форму утопического программирования и моделирование идеального его состояния. Несомненно, здесь следует различать постановку вопроса о личности в истории (реальной истории общества) и личность в «истории» как дисциплине, имеющей свое место в каждый раз новой дисциплинарной структуре науки. То же самое относится к представлениям об обществе в самом широком диапазоне – от идеологии и утопии как нормативного моделирования эпохи традиционного общества (от Платона до К. Маркса) до нарратива вокруг симулякров потребительского общества эпохи постмодерна (от Э. Фромма до Ж. Бодрийяра). Между тем, научный дискурс еще только возникает по мере появления неоиндустриального общества – и каждый раз при проявлении человеческих сущностных сил в новую эпоху человечество создает устойчивый континент науки. Наука, повторим, вызревает неравномерно. Она зреет быстрее в области естественных объектов исследования. Поэтому естественные науки прорастают достаточно быстро: древние греки создали первый континент математики, основанный на наглядном мышлении и отвлечении от чувственной стороны предметов. Физика как второй континент человеческого научного знания была создана в Новое Время и стала наукой буржуазного индустриального общества в тот момент, когда перешла от образа «теплоты» к понятию «температуры» с ее таксонами и измерениями. Третий континент был создан Марксом, который, подобно Дарвину, положил конец взглядам на общество как на хаос сталкивающихся сил и воль и обнаружил объективные закономерности социального развития, вытекающие из материалистического понимания истории. Очередная попытка создания четвертого континента психологии была предпринята Фрейдом и оказалась сомнительной и научно не верифицируемой вследствие того, что не могла быть приложена ко всем человеческим обществам, а потому осталась на грани терапии, экспериментального шаманизма. Выяснилось, личность – не совсем зрелая научная конструкция, а незрелая идеологема. И Маркс за неимением времени и стоя перед необходимостью разработки научной концепции социальной революции пролетариата как универсального эмансипатора человечества был вынужден оставить для будущих исследователей перспективу разработки социально-психологической теории личности, основы которой он заложил в своих ранних трудах. В поздних трудах он переходит к изучению классов и аппаратов государства, создавая тем самым основы научного понимания социального процесса.

3. Марксизм Маркса изначально имел две формы. Первая, ранняя – еще ненаучная и антропологическая концепция «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» – построена по модели «ореха» (схема «Гегель в Фейербахе») и изобилует чуждой зрелому марксизму терминологией из области психологического анализа общественных отношений, вроде «отчуждение», «личность», «человек». После «эпистемологического разрыва 1848 г.» (термин Л. Альтюсера) марксизм стал пользоваться понятиями «эксплуатация», «индивиды как суппорты социальных отношений», «классовые индивиды». Сама теория «товарного фетишизма» в первом томе «Капитала»

стала остатком прежнего ненаучного антропологического крена, экивоком и заигрыванием с гегельянщиной. Второй формой марксизма — зрелого и научного, где отсутствует проблематика личности, — стали подготовительные рукописи к «Капиталу» и последующие труды К. Маркса и Ф. Энгельса. Встать на точку зрения признания марксизмом трудов раннего Маркса — значит стать последователем Р. Гароди, отвергнутого за ревизионизм ФКП еще в 1966 г. и завершающего свои дни в обличии модернизированного мусульманина. Перестройка СССР начиналась с крена в рассуждения об общечеловеческих ценностях, личности, ее новом мышлении и о правах человека, использованных западными спецслужбами и манипулируемыми ими диссидентскими группами.

Мысль о том, что классовая борьба рабочих приведет к свержению господства буржуазии и власть возьмет в руки пролетариат, потрясает мир до сих пор, а процесс формирования пролетариата в класс и завоевание им политической власти может стать смыслом жизни передовой интеллигенции. Западные — историцистская (А. Грамши) и структуралистская (группа Л. Альтюсера) — версии марксизма в XX в. настаивали на том, что диктатура осуществляется через гегемонию класса, через идеологические аппараты государства. Сталинизм подорвал саму веру в марксистский проект. Вспомним, что замена диктатуры пролетариата диктатурой номенклатуры, разоблачение культа личности и его последствий XX съездом КПСС поставили левых интеллектуалов Запада, особенно в Италии и Франции, в трудное положение: трудно было противостоять тогдашнему гуманистическому экзистенциалистскому «прибою» и иным формам штурма марксизма буржуазной идеологией.

4. История XX века показывает, что в условиях десталинизации, когда проблемы морали и политики выходят на первый план, начинает господствовать идеология молодого Маркса. Она может временно заменять теорию, отвергая догматизм сталинизма. Однако XX съезд КПСС в докладе Н. С. Хрущева, псевдомарксистски объяснив нарушения социалистической законности и отнеся культ личности к надстройке, внедрил «сердце буржуазной идеологии» (гуманизм) в рабочее движение и в обновление социализма, что и заставляет творческих марксистов прибегнуть к испытанному оружию марксизма — философии. Сталинские преступления — это не отклонения и деформации социализма, но продукт продолжающейся классовой борьбы. Необходимо преобразование практики масс в философские тезисы. Центральная задача здесь — критика гуманизма, ликвидация кантианского наследия путем устранения понятия субъекта. Именно поэтому вслед за удалением ревизионистской модели гуманизма из марксистской теории должно последовать ее выбрасывание из практики.

Появление в СССР в результате передачи германскими социал-демократами рукописей раннего Маркса (у нас они были изданы в 1956 г.) совпало по времени с разоблачением культа личности Сталина на XX съезде КПСС. Получилось, что ни Ленин, ни Сталин не были знакомы с ранним Марксом, а более поздняя проблематика культа личности прямо вытекает из гуманистической тематики раннего марксизма.

Гуманистический перелом в общественных науках привел к появлению марксистов, исходивших в своих построениях из тезиса о тождестве личности и общественных отношений. Такая радикальная социологизация образа человека призывала к изучению потребностей человека и провозглашала вслед за «Рукописями» грядущее торжество наиболее полного удовлетворения растущих потребностей советского народа и всесторонне развитой личности. Вся хрущевско-горбачевская перестройка исходила из необходимости демократизации для построения «социализма с человеческим лицом» и потому была целиком навеяна работами раннего Маркса. По отношению к образу социализма позднего Маркса–Ленина–Сталина такая перестройка объективно была ревизионизмом, а ее деятелями — ренегатами.

Именно ранний Маркс был объявлен подлинным в короткое время хрущевской оттепели и горбачевской «катастройки» (термин А. А. Зиновьева). В результате в СССР во второй половине XX в. восторжествовал ранний Маркс, которого официально по аналогии с лукачевским образом «молодого Гегеля» стали называть «молодым Марксом». Именно идеи молодого Маркса определили вектор перестройки (вдохновили массы на демократическое дымовое прикрытие бюрократической революции аппарата) и привели в конце XX в. к формированию системы сталинизма, но без Сталина. Новая перестройка в России и в странах Евразии неизбежно будет строиться на проблематике личности и прав абстрактного человека.

1. Дугин А. Г. Евразийский путь как национальная идея. М. : Арктогея-Центр, 2002.